КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Августа **№ 16.** 1878 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО

въ день св. Равноапостольнаго великаго князя Владиміра.

«Людіе россійстіи, пріидите снидитеся къ честнѣй церкви Владиміра святаго, нареченнаго Василія, преблаженнаго великаго князя, угодника Христова преславнаго, и пріимите животъ и спасеніе, благодать и велію милость» (троп. 9-й кан.)—такъ св. церковь приглашаетъ насъ къ участію въ настоящемъ торжествѣ въ честь и прославленіе св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра. И мы, послушные гласу св. церкви, собрались въ семъ св. храмѣ, чтобы почтить память великаго просвѣтителя Россіи, насадителя истинной вѣры въ нашемъ отечествѣ,—принять отъ него благословеніе—какъ отъ общаго отца нашего и излить предъ нимъ наши молитвы, какъ предъ покровителемъ земли русской и небеснымъ ходатаемъ нашимъ предъ Господомъ Богомъ. Чего же мы будемъ просить у св. ходатая нашего?

Какія заявимъ предъ нимъ желанія? О чемъ вознесемъ свои молитвы?

Не подлежитъ сомнѣнію, что мы сдѣлаемъ самое угодное небесному покровителю, если будемъ желать того, чего желалъ землѣ русской равноапостольный Владиміръ, будемъ молиться о томъ, чего онъ первѣе всего просилъ у Бога для народа своего.

Преподобный лѣтописецъ Несторъ, повѣствуя о крещеніи св. Владиміромъ Кіевлянъ, влагаетъ въ уста его слѣдующую молитву, которую произнесъ онъ по крещеніи своего народа: «Боже великій, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди своя и даждь имъ, Господи, увѣдѣти Тебе истиннаго Бога, и утверди въ нихъ *вѣру праву и не совратну*» (пол. С. Р. Лѣт. 1,50). А вотъ и другая молитва св. князя, которую произнесъ онъ, по сказанію того же лѣтописца, при освященіи воздвигнутаго имъ храма, на развалинахъ котораго возсозданъ настоящій: Господи Боже! Призри съ небеси и виждь и посѣти виноградъ сей, и утверди то, что создала десница твоя—этихъ новыхъ людей, которыхъ сердца обратилъ ты къ познанію тебя—Бога истиннаго» (тамже—53). Итакъ, св. Равноапостольный просвѣтитель и покровитель нашъ первѣе всего возсылалъ молитвы ко Господу о сохраненіи въ державѣ своей правой и несовратной св. вѣры, главнѣе всего желалъ того, чтобы подданные его преуспѣвали въ истинномъ Богопознаніи и Богопочтеніи. Молитва и желаніе Равноапостольнаго должны быть и нашею первою молитвою и нашимъ желаніемъ по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, какія онъ имѣлъ въ виду.

Просвѣщенный св. вѣрою, которая во св. крещеніи открыла ему душевныя и тѣлесныя очи, св. равноапостольный Владиміръ прозрѣлъ впредь, что св. вѣра есть тотъ

краеугольный камень, на которомъ зиждется и благоденствіе, и сила и слава, государства, и слѣдовательно, какой залогъ жизни дастъ онъ своему царству, если распространитъ въ немъ св. вѣру христову, потому и посвятилъ всю остальную жизнь свою этому великому и святому дѣлу. И молитвенное желаніе и упованіе Равноапостольнаго оправдались вполнѣ. Св. вѣра христова, отъ самаго начала распространенія и насажденія ея св. Владиміромъ, возвела наше отечество на ту степень славнаго величія, на которомъ оно стоитъ нынѣ. Заглянемъ въ лѣтописи отечественной исторіи, и поучимся.

Обращаемъ первое вниманіе на то обстоятельство, что св. вѣра и церковь христова насаждались въ то время, когда полагалось прочное основаніе русской державѣ тѣмъ же св. Владиміромъ. Между этими двумя великими событіями, повидимому, не существовало никакой связи: оба они совершались отдѣльно и независимо; тамъ и здѣсь были разные дѣйствователи, разныя цѣли. И однакожъ оба эти событія происходили въ одномъ народѣ; оба эти событія совпадаютъ между собою и въ своемъ началѣ и въ своемъ продолженіи и своемъ окончаніи. А если вспомнимъ, что и здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ произшествіяхъ міра, не смотря на всю разность ихъ по видимости, былъ одинъ невидимый, главнѣйшій дѣйствователь—Богъ, который все движетъ и направляетъ къ одной высокой цѣли, хотя и неодинаковыми путями, то можемъ ли не придти къ вопросу: зачѣмъ это угодно было Господу, чтобы наше отечество и св. вѣра съ церковію возникли и образовались вмѣстѣ? Не хотѣлъ ли Онъ такимъ образомъ сочетать ихъ между собою съ первой минуты самыми неразрывными узами, какъ сочетаваетъ душу съ тѣломъ въ человѣкѣ? Не хотѣлъ ли Онъ,

чтобы, подобно душѣ съ тѣломъ, они составляли какъ бы одно не раздѣльное существо, жили одною общею жизнію? Церковь Христова, по выраженію самаго Божествен. Основателя ея, *нѣсть царство отъ міра сего* (Іоан 18, 36); ея единственная цѣль—возраждать и воспитывать людей для живота грядущаго—на небѣ. Но въ тоже время, какъ истинная насадительница благочестія въ человѣчествѣ, она носитъ въ себѣ *обѣтованіе и живота нынѣшняго* (Тим. 4, 8),—въ тоже время она можетъ оказывать самое благотворное вліяніе и на временную судьбу какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ, быть лучшею руководительницею ихъ на пути гражданскаго усовершенствованія, первѣйшею водворительницею внутренняго мира, довольства и счастія въ государствахъ и самою благонадежною спасительницею ихъ во дни бурь и треволненій политическихъ.

Такъ оно и было въ самомъ дѣлѣ. При св. Владимірѣ земля русская была уже обширна, на огромныхъ пространствахъ ея много было племенъ различныхъ между собою по происхожденію, языку и вѣрованіямъ; но всѣ эти разнородности, не имѣя внутренняго единства, связывались только внѣшнею силою, и потому не могли бы образовать собою живаго тѣла, способнаго рости и развиваться по закону живыхъ существъ. Одна св. вѣра способна объединять людей такъ, чтобы они были живыми членами живаго цѣлаго. Вотъ это первое благо и принесла св. вѣра отечеству нашему; она внесла въ организмъ его начало духовной жизни, вдохнула въ него дыханіе Духа Божія, живущаго въ церкви Христовой, и содѣлала его несокрушимымъ подъ ударами самыхъ тяжкихъ бѣдствій.

Около трехъ столѣтій хранилъ Господь свободу народа и церкви въ Россіи; но вотъ наступало для нея и время

тяжкихъ страданій. Въ концѣ 1236 г. Батый привелъ къ Россіи болѣе полмилліона дикаго степнаго народа, жаждавшаго крови, грабежа и разоренія. Православная Русь сдѣлалась данницею монголовъ на 200 лѣтъ. Что же сохранило ея бытіе и потомъ возстановило силы для сверженія ига? Тоже благодатное начало, положенное въ основу ея жизни, т. е. св. вѣра. «Въ періодъ монгольскаго порабощенія русскій народъ умѣлъ терпѣть, молиться и надѣяться; по этому ни тяжесть рабства, на продолжительность его не сокрушили русскаго царства. Порабощенные предки наши смотрѣли на свое бѣдствіе, какъ на посѣщеніе Божіе и покарялись не какому нибудь року, слѣпому и безучастному, а правосудному и милосердому Богу, Который *не до конца прогнѣвается, ниже въ вѣкъ враждуетъ,* но наказуя вразумляетъ и исправляетъ. И эта вѣра не только спасла ихъ отъ отчаянія, но и пораждала въ вѣрующихъ высокія доблести и чрезъ то приготовляла имъ торжество въ будущемъ». Сильный вѣрою герой Донской славными подвигами своими предвозвѣстилъ избавленіе Россіи; Іоаннъ храбрый совершилъ это великое дѣло.

Окрѣпла Русь подъ скипетромъ московскаго единодержавія, стала сильною и славною.... Но Промыслу угодно было подвергнуть ее новому, тягчайшему испытанію. Престольный градъ раздираемъ былъ пришельцами, отечество не имѣло отца, грозила опасность самой вѣрѣ православной. Но она то—«въ это смутное время между—царствія, когда съ одной стороны расторгалась, по видимому, связь между частями нашего отечества, съ другой—сосѣднее государство простирало уже руки за самымъ царскомъ вѣнцемъ, онато и явилась спасительницею государства: она объединила разрозненное и собрала разсѣянное», она воз-

двигла новаго Гедеона въ лицѣ простаго гражданина—Минина, на призывный голосъ котораго воспрянулъ духъ отечественный къ самозащитѣ,—и отечество избавлено отъ рукъ хищныхъ, отъ замысловъ чуждой власти, спасенъ царскій вѣнецъ для чудесно спасенной *главы руской* въ благословенномъ и столь любезномъ Россіи племени Романовыхъ. Памятны всѣмъ намъ и недавнія тяжкія годины нашего испытанія, разумѣю—нашествіе французовъ въ 1812 г. и Крымскую войну, когда въ предѣлы нашего отечества вторгался врагъ безпримѣрно сильный—едва не цѣлая Европа. Что же спасало насъ въ эти тяжкія годины, когда *языки приходили въ достояніе Божіе, скверпили храмы святые*, когда и самый престольный градъ нашъ превращенъ былъ въ развалины? Могущество правой и не совратной вѣры, одушевлявшей сынов Россіи; именемъ Господнимъ она низложила враговъ. Господь *смирилъ яко язвена гордаго; мышцы силы Господней*, по вѣрѣ нашей *расточили враговъ; десница Господня вознесла насъ, десница Господня сотворила силу, вознесла рогъ помазанника своего и сотворила избавленіе людямъ своимъ*—намъ россіянамъ, какъ сами мы и исповѣдали, не хвалясь своими успѣхами, а благодаря Бога: *не намъ, не намъ, но имени Твоему, Господи, принадлежитъ слава! На тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки!* восклицала Россія по изгнаніи и освобожденіи отъ враговъ (Псал. 78, 1; 117, 10. 16; 88, 11).

Не эта ли правая и св. вѣра, не эта ли нравственная сила религіознаго одушевленія подвигла въ минувшемъ лѣтѣ весь русскій народъ на защиту братій—Славянъ страдавшихъ и страждущихъ подъ игомъ турецкимъ, какъ мы страдали подъ игомъ татарскимъ? Не эта ли нравственная

сила св. вѣры воодушевила нашихъ христолюбивыхъ вождей и воиновъ такимъ мужествомъ, которое изумило весь свѣтъ, предъ которымъ пали неприступныя твердыни Карса, которому покорились недоступныя высоты Балканъ и которое привело побѣдителей, къ воротамъ столицы врага? Не эта ли сила св. вѣры воодушевляла нашихъ христолюбивыхъ воиновъ къ пролитію потоковъ крови, къ безропотному перенесенію всѣхъ невообразимыхъ трудностей и лишеній въ борьбѣ съ кровожаднымъ врагомъ и самою природою?

«Да будетъ же, скажетъ словами преподобнаго лѣтописца, благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, Иже возлюби новыя люди, руськую землю, и просвѣти ю крещеніемъ святымъ» (П. С. Л. 1. 51.)! Да будетъ благословенна и память св. Равноапостольнаго князя Владиміра, который, устрояя свое царство, внялъ благодатному призванію Божію и во главу угла великаго зданія державы своей положилъ св. православную вѣру Христову! Не священный ли, послѣ этаго, о чемъ мы и сказали въ началѣ, долгъ каждаго изъ насъ, долгъ каждаго истиннаго сына отечества молиться тою молитвою, которую возносилъ св. князь Владиміръ о новопросвѣщенномъ своемъ народѣ, и желать своему любезному отечеству того, чего наиболѣе всего желалъ онъ именно: да хранимъ мы св. вѣру Христову правую и необратную, не увлекающуюся никакимъ ложнымъ духомъ ученія, да преуспѣваемъ въ истинномъ Богопознаніи, особенно въ виду того, что въ послѣднее время, среди насъ, но не отъ насъ, являются иного рода дѣятели, которые, подъ видомъ желанія добра отечеству, подкапываются подъ самыя коренныя основы его, подъ видомъ новоизмышленнаго благоустроенія, стремятся внести безпорядокъ и гибельное разрушеніе. Да не будетъ сего среди насъ! Напротивъ.

Да пребудетъ въ насъ твердо и неизмѣнно то убѣжденіе, что св. Христова вѣра есть единственное основаніе и

корень могущества, благоденствія и славы нашего отечества какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, что она одна св. вѣра Христова, сплотила наше отечество во единое нераздѣльное тѣло, спасала его въ тяжкія годины испытаній, ограждала отъ враговъ и способствовала внутреннему его развитію и процвѣтанію! Да будемъ глухи,—нѣтъ, мало этого, съ презрѣніемъ отвратимъ слухъ свой и сердца отъ призывныхъ гласовъ тѣхъ непризванныхъ, скрывающихся во тьмѣ, лжеустроителей благоденствія народнаго, которые, именуясь даже, къ несчастію, христіанами—помимо Христа Спасителя, мечтаютъ основывать строй и порядокъ государственной жизни не на указанномъ, оправданномъ исторіею, вѣчно прочномъ основаніи, т. е. не на началахъ св. Вѣры и Закона Христова, а на такъ называемыхъ началахъ соціалистическихъ. По дѣлу видны художники, когда начинаютъ свою преступную пропаганду возмущеніями, убійствами и покушеніями на и ниспроверженіе законныхъ властей.

Св. Апостолъ учитъ: *измите злаго отъ васъ самѣхъ*. Да, каждый сынъ церкви и отечества для своего спокойствія и въ виду общаго блага обязанъ искоренять обнаруживающуюся язву, явится ли она въ семействѣ его, или въ завѣдываемомъ имъ мѣстѣ общественнаго воспитанія, или въ томъ кругу, къ которому онъ принадлежитъ по своимъ обязанностямъ. Всѣ мы болѣе всего должны сторожить, чтобы не многія прокаженныя овцы не заражали цѣлаго стада.

Всеблагій Промыслъ Божій, бдящій надъ благословеннымъ нашимъ отечествомъ, молитвами св. равноапостольнаго князя Владиміра, да не попуститъ врагамъ спокойствія и порядка произвести безпокойство и безпорядокъ среди невинныхъ сыновъ церкви и отечества. Аминь.

Протоіерей *Ал. Воскресенскій*.

Краткое жизнеописаніе возобновителя Феофановскаго Скита, принадлежащаго Кіевскому Викаріатскому, архіерейскому дому, старца, отца Игумена Вонифатія.

Феофановскіе старцы съ благоговѣніемъ чтутъ память о. Вонифатія, своего руководителя въ доховной жизни, которому обязанъ Скитъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ благоустройствомъ.

Старецъ Вонифатій 1-й игуменъ въ возобновленномъ Феофановскомъ Скитѣ, въ мірѣ Даміанъ, родился 1785 г. Родители его были государственные крестьяне, Феодоръ и Евдокія Венегредскіе, Херсонской губерни Александрійскаго уѣзда, въ селѣ Михайловкѣ—отецъ его занимался земледѣліемъ; къ тому же пріучилъ и своихъ дѣтей. Кромѣ Даміана у Венегредскихъ были и другіе дѣти, всѣ они, воспитанные въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, были кротки и благонравны, а Даміанъ особенно выдавался между ними этими качествами. У него еще въ дѣтствѣ открылась охота къ слушанію и чтенію духовныхъ книгъ; почему онъ и былъ отданъ на изученіе грамотѣ. Мы не знаемъ подъ чьимъ руководствомъ Даміанъ наученъ чтенію книгъ.

Въ Даміанѣ съ малолѣтства проявлялась и ревность къ усердной молитвѣ, хожденію въ храмъ Божій, строгому посту и воздержанію, уединенію, раздаянію милостыни;—онъ старался прежде другихъ братьевъ выпросить у матери кусокъ хлѣба, или что другое и въ окошко подать нищему, и все показывало въ немъ человѣка особеннаго,—непохожаго на другихъ дѣтей. Родители радовались, смотря на добраго сына и благодарили Бога. Феодору не суждено было видѣть Даміана совершеннолѣтнимъ, ибо онъ скоро скончался. Даміанъ достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, далъ

обѣтъ Богу, посвятить себя на служеніе Ему—поступить въ какой либо монастырь; но мать ему въ томъ воспрепятствовала и заставили жениться. Даміанъ, всегда безпрекословно повинуясь матери, исполнилъ желаніе ея. Съ женою своею Даміанъ (самъ онъ говорилъ) жилъ цѣломудренно и отъ нея не имѣлъ дѣтей. Въ годину искушенія, для Русскаго Государства, въ 1811 году, Даміанъ былъ отданъ въ военную службу и былъ опредѣленъ въ четвертый, Уланскій Малороссійскій полкъ. Во время военной службы, ему приходилось быть во многихъ боевыхъ схваткахъ и генеральныхъ сраженіяхъ; но Господь не только сохранилъ жизнь его; но не допустилъ получить и раны. Добрый воинъ Христовъ, прослуживши 25 годовъ, честно и вѣрно церкви, царю и отечеству, получилъ отставку. Возвратясь домой на родину, онъ съ усердіемъ занялся хозяйствомъ, которое шло успѣшно.

Мірская жизнь, какъ прежде, такъ и теперь Даміану была не по сердцу,—духъ его горѣлъ любовію къ иноческимъ обителямъ. Проживши нѣсколько лѣтъ съ женою, Даміанъ по согласію съ нею, оставивъ ей хозяйство, почти ни съ чѣмъ отправился въ Кіевъ, поклониться святымъ мощамъ, и аще Богъ соизволитъ остаться въ Лаврѣ на послушаніи.—На пути къ Кіеву онъ заходилъ во многіе монастыри; но ни въ одномъ изъ нихъ Богу было не угодно поселить Даміана. Далекій путникъ, приближаясь къ Кіево-Печерской Лаврѣ, остановился на нѣсколько минутъ, размышляя: вотъ гдѣ, думалъ онъ, взирая на златоблестящія главы храмовъ и на каменную ограду, окруженную съ нѣкоторыхъ сторонъ крутыми утесами,—вотъ гдѣ тихое пристанище отъ треволненій житейскаго моря! Было желаніе Даміана поступить въ Лавру; но изволенія Божія но то не было. Пере-

ночевавъ три ночи на лаврской страннопріемницѣ, на четвертую онъ отправился во фроловскую. Тутъ поживши нѣсколько дней, онъ познакомился съ христолюбцемъ, въ то время славившимся богоугодною жизнею, Иваномъ, по прозванью и образу жизни босымъ. Иванъ босой (юродивый) тотчасъ же понялъ простоту и добросердечіе Даміана, взялъ его къ себѣ и сдѣлалъ главнымъ распорядителемъ гостинницы при Андреевской церкви, а самъ днемъ обходилъ Кіевскія святыни, ночью же стоялъ на молитвѣ, въ тяжелыхъ, какъ посмерти оказалось, веригахъ на тѣлѣ.—Не долго Даміану суждено было руководствоваться духовными наставленіями своего высокаго учителя. Иванъ босой скоро скончался, и на Даміана палъ жребій выполнять завѣщанное ему Ивановъ босымъ послѣ смерти его не оставлять страннолюбія.

Даміанъ не унывалъ, а съ полною надеждою на Бога продолжалъ поить и кормить странниковъ, которыхъ ежедневно лѣтомъ у него было отъ 200 до 300 человѣкъ, и которыхъ онъ поилъ и кормилъ по нѣсколько дней. Господь невидимо посылалъ ему и средства, къ тому: съ разныхъ сторонъ Россіи онъ получалъ жертвы; на нихъ онъ кормилъ странниковъ, и кромѣ того покупалъ церковную утварь для церквей югозападныхъ губерній, а равно для церквей Болгарскихъ и галицкихъ.

Но вотъ врагъ діаволъ, ненавистникъ добра, Доміану устроилъ козни; и поступилъ на него ложный доносъ, яко бы онъ у себя укрываетъ бѣглыхъ—и онъ едва не подпалъ подъ строгій судъ. Думая, что Господь наказуетъ его за не исполненіе обѣта, въ 1849 году Даміанъ подалъ прошеніе Высокопреосвященнѣйшему Филарету о назначеніи его въ какой либо монастырь послушникомъ и былъ опредѣленъ въ

Ржищевскій, тогда мужескій монастырь.—Въ это время Доміанъ подалъ,—и объ увольненіи себя изъ новороссійскаго края, для поступленія въ монастырь, и былъ Высочайше уволенъ въ 1850 году, 25 іюля.

Въ это время для михайловской странноприіемницы нуженъ былъ опытный и искусный смотритель. Преосвященный Аполлинарій, знавши честную жизнь Даміана, позвалъ его къ себѣ и приказалъ подать прошеніе о перемѣщеніи его изъ Ржищевскаго монастыря въ Михайловскій. Съ готовностію Даміанъ выполнилъ приказаніе святителя, и на прошеніи былъ назначенъ смотрителемъ странноприіемницы и блюстителемъ священной раки, съ частицами святыхъ мощей и облеченъ былъ въ рясофоръ. Честный и трудолюбивый, отставный воинъ ревностно исполнялъ послушанія на него возложенныя, занимаясь въ то же время кормленіемъ меньшей о Христѣ братіи. Настоятель, взирая на его труды и доброе житіе въ 1854 году 19 декабря, постригъ Даміана въ мантію, съ именемъ Вонифатія. Обѣты монашества еще болѣе возвысили и утвердили его въ духовной жизни, что такъ же не укрылось отъ настоятеля и не осталось безъ награды: въ 1856 году Вонифатій былъ посвященъ въ іеродіакона. Іеродіаконъ Венифатій по прежнему исполнялъ послушанія и по порученію преосвященнаго Аполлинарія собралъ достаточное количество денегъ на устройство большаго странноприіемнаго дома, съ церковію, такъ что преосвященный Аполлинарій въ 1857 году приступилъ къ постройкѣ двухъ этажнаго дома съ церковію и съ 17-ю помѣщеніями, кромѣ подвальнаго этажа, на 27 саженяхъ длиною, который въ семъ же году вчернѣ былъ и оконченъ; изъ старой крестовой церкви позолотилъ иконостасъ и возобновилъ живопись, а потомъ росписалъ церковь живописью.

Чувствуя нѣкоторый упадокъ силъ, О. Вонифатій пожелалъ пока еще въ силахъ поклониться гробу Господню и облобызать мѣста идѣже стоясте нози Господни. Желаніе его исполнилось, и онъ въ 1859 году поклонился гробу Господню и посѣтилъ святыя мѣста, Палестины.

Воротившись назадъ Вонифатій занялся по прежнему страннопріемствомъ. Въ 1860 году 10 мая преосвященный Серафимъ рукоположилъ его въ іеромонаха. Вѣсть объ этомъ скоро дошла па его родину. Жители села Михайловки вздумали у себя въ селѣ построить монастырь или Скитъ, и знавши честность и примѣрную жизнь Вонифатія изъяснили предъ нимъ свое намѣреніе, приглашая его за строителя, имѣющагося строиться Скита, обѣщаясь обезпечить его всѣмъ нужнымъ, т. е. землею, лѣсомъ, мельницею и достаточнымъ вкладомъ денегъ. Домостроительный старецъ согласился на предложеніе ихъ и началъ проситься унастоятеля объ увольненіи изъ Михайловскаго монастыря. Преосвященный Серафимъ, не желая разстаться съ благочестивымъ и домостроительнымъ старцемъ, предложилъ ему ѣхать въ архіерейскій, загородный домъ и при тамошней церкви и настоятельскомъ домѣ устроять Скитъ. Это мѣсто данное отъ казны преосвященнымъ Кіевскимъ Викаріямъ для загороднаго архіерейскаго дома, до 1803 года, называлось Лазоревщиною, а съ сего года Ѳеофаніею, по имени преосвященнаго Ѳеофана, устроившаго тутъ церковь и настоятельскій домъ.—Съ охотою старецъ согласился на предложеніе Владыки. Послѣ Пасхи на Ѳоминой недѣлѣ, старецъ Вонифатій отправился въ Ѳеофанію, получивъ въ благословеніе отъ настоятеля икону Архистратига Михаила и великомученицы Варвары и почти отправился ни съ чѣмъ. Тамъ поселился онъ въ настоятельской

столовой, а три іеромонаха въ старой, скитской трапезѣ, два іеродіакона и три послушника въ домѣ старой пасѣки. Съ нимъ же ушли человѣкъ 25 страннопріемной прислуги, которая помѣщена была въ хатахъ, гдѣ жили штатные служители. Съ любовію и самоотверженіемъ старецъ занялся устройствомъ Скита; сначала исправилъ церковь, которая находилась въ запустѣніи, позолотилъ крестъ и главу; купилъ въ девять пудовъ колоколъ и построилъ домъ для братскихъ келій, а равно и всѣ кухонныя и хлѣбныя службы. Труды его не остались безъ награды: 31 декабря 1861 г., за усердное исполненіе возложенныхъ на него обязанностей, по устройству скита, старецъ награжденъ набедренникомъ.

Само собою разумѣется, что отъ получившаго сельское воспитаніе и по преимуществу самоучкою нельзя было ожидать чего либо особеннаго и на поприщѣ служенія церкви. За то полученное имъ воспитаніе глубоко укоренило въ сердцѣ его истины спасительной вѣры и правила богоугодной жизни и заранѣе направило всѣ пріобрѣтенныя знанія и всю дѣятельность его къ одной главной цѣли служить Господу Богу въ чистотѣ непорочной и правдѣ нелицемѣрной во всѣ дни жизни своей.

Воздержная и благочестивая жизнь старца и его домостроительность не укрылась отъ зоркаго глаза и Преосвященнаго Порфирія. Онъ съ первыхъ дней своего поступленія на Чигиринскую паству и на настоятельство Михайловскаго монастыря понялъ и уважалъ его.

Въ теченіи трехъ лѣтъ за молитвами настоятеля, за благочестіе и доброе житіе начальника, благословеніе Божіе изливалось на Өеофановскій Скитъ. Скитъ болѣе и болѣе устроялся и прославлялся между людьми, украшался, при его благочестіи и примѣрной монашеской жизни. Преосвя-

щенный Порфирій, за труды его, по управленію скитомъ, за устройство скитской странноприіемницы, за быструю постройку вчернѣ каменной церкви и за добрую монашескую жизнь, въ 1867 году представилъ къ награжденію. И старецъ Вонифатій удостоенъ возведенія въ санъ Игумена. На указѣ Кіевской Консисторіи отъ 15 апрѣля 1868 года послѣдовала резолюція Владыки такова: «объявить о. Вонифатію, чтобы онъ приготовлялся къ посвященію въ санъ Игумена» въ 28-й день апрѣля. О. Вонифатій, получивши извѣстіе о возведеніи его въ санъ Игумена, изумился, и ни когда, не помышляя о почестяхъ земныхъ, думалъ уклониться отъ этой новой чести; но по совѣту другихъ изъ послушанія и не желая прогнѣвить Владыку, явился въ назначенный ему день, и былъ возведенъ въ санъ Игумена, въ 28 день апрѣля 1868 года.

Съ возведеніемъ въ санъ Игумена, старецъ ни сколько не измѣнился, съ обычнымъ смиреніемъ, кротостію, терпѣніемъ, умною молитвою и самоотверженіемъ, при изнеможеніи старческихъ силъ, продолжалъ заниматься благоустройствомъ скита, и съ особенною ревностію,—окончаніемъ каменнаго храма Божія,—иконостаса въ немъ и церковной утвари. Ничего такъ не желаю, какъ только видѣть оконченнымъ храмъ Божій и его освятить и хотя бы разъ прослужить въ немъ, говорилъ старецъ. Господь услышалъ во благихъ желаніе старца; въ началѣ 1869 года храмъ былъ готовъ къ освященію. Владыка поручилъ освятить его самому о. Вонифатію въ 25 день марта, на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, вмѣстѣ съ монастырскою и скитскою братіею; храмъ былъ освященъ.

Пишущій эти строки былъ очевидцемъ, съ какою радостію и суетливостію заботился старецъ о приготовленіи всего нужнаго

освященію, наканунѣ дня освященія. Онъ какъ бы забылъ свои старческія немощи, все приготовляя поспѣшно. Въ день освященія, изъ сожалѣнія къ нему, предложили отмѣнить крестный ходъ изъ новой церкви въ старую за святымъ Антиминсомъ съ св. мощами, такъ какъ онѣ одна отъ другой стоятъ на далекомъ пространствѣ; но старецъ обидѣлся и сказалъ: «если не будетъ крестнаго хода, то не станутъ звонить на колокольняхъ, для чего же ихъ и строилъ я и покупалъ колокола, какъ не для того, чтобы они звономъ своимъ возвѣщами народу благую и радостную вѣсть нашу? «Съ какимъ умиленіемъ и благоговѣніемъ покойный предъ входомъ въ храмъ съ антиминсомъ и святыми мощами, читалъ молитвы, и потомъ совершалъ Литургію? У него отъ полноты чувствъ сердечныхъ изъ глазъ градомъ текли слезы.

Послѣ освященія и литургіи гости были приглашены къ скитской трапезѣ и въ концѣ оной, старецъ ни когда не пивши крѣпкихъ напитковъ, налилъ себѣ въ рюмку церковнаго вина, а другіе чего хотѣли, ибо всякихъ винъ было въ изобиліи и вставши старецъ сказалъ: выпьемъ, дорогіе гости, за здоровье нашего Владыки, преосвященнаго Порфирія, благословившаго строить и заложившаго храмъ сей, а равно и за благополучное окончаніе онаго, и выпилъ отъ радости всю рюмку; а теперь мнѣ и умереть легко, прибавилъ старецъ.

При прекрасной погодѣ, солнце свѣтило ярко и на колокольняхъ цѣлый день звонили въ колокола. Скитъ торжествовалъ, ликовала пустыня, радовался и народъ, котораго на освященіи было много. Мы послѣ обѣденнаго отдыха на пути къ колодезю, на протяженіи почти версты видѣли подъ каждымъ почти кустомъ разосланные ковры или бѣлыя про-

стыни, на которыхъ стояли самовары и разнаго рода яства для пришедшихъ на освященіе; на травѣ рѣзвились дѣти, срывая появившіеся цвѣточки. Такъ кончился знаменательный день для о. Вонифатія и его братіи.

Мирно протекли дни и годы управленія Скитомъ о. Игумена Вонифатію. Много нужно было имѣть ему духовной опытности, чтобы болѣе 30 человѣкъ братіи, разныхъ возрастовъ и званія, направить на одинъ путь, къ одной цѣли,—вѣчному спасенію. Много нужно было употребить вниманія, терпѣнія и любви, чтобы пріучить новоначальныхъ—не опытныхъ въ монашеской жизни, къ строгому пустынному уставу. Но мудрый, любве—обильный начальникъ умѣлъ вразумлять и ободрять, укрощать и утѣшать. Такъ; можно ли было при немъ не явиться или запоздать къ церковному Богослуженію, когда онъ самъ служилъ примѣромъ трудолюбія, убѣждая и другихъ къ тому? Могъ ли провинившійся въ чемъ либо солгать и не сознаться въ своей винѣ, когда явившись къ старцу, услышитъ сильное его слово: «не разумный! За чѣмъ поступалъ въ монастырь? лучше бы жилъ въ мірѣ. Нельзя было безъ умиленія смотрѣть какъ, у этого неразумнаго пробуждалась совѣсть, появлялись на глазахъ слезы, онъ падалъ къ ногамъ старца, и въ ту же минуту получалъ прощеніе» ну! Богъ проститъ иди съ миромъ, говорилъ о Игуменъ. Тѣмъ дѣло и кончалось.

Изъ скита о. Игуменъ отлучался очень рѣдко, и то по крайнимъ скитскимъ нуждамъ. Ѣздилъ онъ всегда на открытыхъ дрожкахъ или на рабочей телегѣ. Жизнь отца Игумена была вполнѣ безъукоризненна, никто не могъ не только сказать; но даже и подумать о немъ что либо худое; ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, онъ не въ чемъ не отличалъ себя отъ прочей братіи; напротивъ о насыщеніи дру-

тихъ крайнѣ заботился, говоря, что онъ и безъ сытной пищи, вотъ какой сытый, и при этотъ показывалъ свои руки.— Онъ любилъ стройное церковное пѣніе и когда все шло хорошо, радовался и умилялся духомъ.

Высокая жизнь о. Игумена Вонифатія не могла укрыться отъ людей постороннихъ. Не только лица духовныя, но и мірскіе, даже изъ высшаго свѣтскаго общества, бывая въ скиту считали непременною обязанностію побывать у о. Игумена, побесѣдовать съ нимъ и получить отъ него благословеніе. Старецъ неуклонялся отъ посѣтителей. Простая, сердечная бесѣда производила на присудствующихъ глубокое впечатлѣніе. О чемъ бы не заговорили съ нимъ; но такъ или иначе онъ непремѣнно находилъ случай поговорить о смерти, страшномъ судѣ и о вѣчности; при разговорахъ о дѣлахъ мірскихъ, молчалъ; если спрашивали его отзыва о какомъ либо постороннемъ лицѣ, отвѣчалъ: «не знаю, Богъ вѣсть! Разговоровъ пустыхъ, шуточныхъ не терпѣлъ, рѣдко когда либо показывалась улыбка на устахъ его. Не бесѣда только, говорили посѣтители, но и самый видъ старца, его глубокое смиреніе, благолѣпная сѣдина, поступь, взглядъ—все не вольно заставляло благоговѣть предъ нимъ. Многіе изъ мірянъ имѣли его своимъ духовникомъ. Старецъ не уклонялся и отъ этой, не легкой обязанности: «съ какимъ бывало умиленіемъ идемъ къ о. Вонифатію на исповѣдь, разсказывала намъ одна изъ духовныхъ дочерей его. Сколько совѣтовъ вразумленія и утѣшеній услышишь отъ него! Какою любовію ко Спасителю горѣла его рѣчь! Онъ сокрушался о грѣхахъ кающагося болѣе, чѣмъ самъ кающійся. Истинно былъ святой старецъ, присовокупила она!

Никогда онъ не спалъ на мягкомъ; постелею его была скамѣйка, покрытая коверчикомъ, узкая и короткая, такъ чтобы

ноги спускались на полъ, дабы не спать долго; укрывался же онъ или полушубкомъ или изъ толстаго холста покрываломъ. Нельзя было не знать о его постѣ, ибо всѣ видѣли какъ мало и какъ рѣдко вкушалъ онъ пищу. Нельзя было не знать о его молитвѣ какъ днемъ, такъ и среди глубокой ночи заставали его на молитвѣ, приходящіе въ его келлію, которую онъ никогда не запиралъ. Нельзя было не заключить о его высокомъ цѣломудріи, ибо никто не видалъ его наготы; никто не видалъ его въ банѣ, ни въ рѣкѣ; съ женщинами если и бесѣдовалъ иногда, то только о духовныхъ предметахъ, и ни какъ не на единѣ. Духовнымъ утѣшеніемъ его было чтеніе псалтири, акаѳистовъ, и каноновъ, какіе есть въ правильникѣ, который онъ почти всегда носилъ въ рукахъ и износилъ его, едва не до уничтоженія.

Достигнувъ 85 лѣтняго возраста, въ началѣ 1871 года старецъ, до того довольно крѣпкій и бодрый, почувствовалъ сильный упадокъ силъ и рѣшился было оставить управленіе скитомъ; ему хотѣлось остатокъ дней своихъ провесть въ безмолвіи; да къ тому же по слабости своей онъ не могъ уже по прежнему быть духовнымъ руководителемъ братіи и посторонних. И когда свое намѣреніе изъявилъ Владыкѣ, то Владыка отвѣчалъ ему шуточно: намъ съ тобою нужно жить по 120 годовъ, потому что мы многое не до дѣлали и не достроили. И онъ не подалъ прошенія объ уволненіи; а правилъ скитомъ до конца жизни своей.

Удрученному старостію и недугами, о. Вонифатію наконецъ стало трудно и ходить въ церковь. Но оставить службу Божію онъ ни какъ не хотѣлъ; съ первымъ же ударомъ колокола едва, передвигивая ноги, отправлялся въ цер-

ковь и становился или садился въ пономарнѣ и съ умиленіемъ выслушивалъ Богослуженіе. Господь подкрѣплялъ его силы и какъ бы въ награду за усердіе, разсудокъ, зрѣніе и слухъ его сохранилъ неповрежденными до конца жизни. Мѣсяца за четыре только до смерти онъ пересталъ посѣщать церковь; съ этого времени онъ слегъ въ постель и болѣе не вставалъ, а для подкрѣпленія духа, дабы благонадежно вступить въ вѣчность, часто въ келіи пріобщался святыхъ Христовыхъ таинъ, и за нѣсколько дней до смерти пожелалъ и освятиться елеемъ. 25 Декабря, въ праздникъ Рождества Христова пришла къ нему братія поздравить съ праздникомъ и предложила ему полечиться. Нѣтъ отвѣчалъ старецъ, лечиться я не хочу, воля Господня да будетъ со мною!

Увѣренный въ приближеніи смерти, онъ побуждалъ своего келейника о скорѣйшемъ приготовленіи нужнаго для его смертныхъ останковъ т. е. гроба, новаго чистаго подрясника, сандалій и проч. что было и исполнено. За два дня старецъ, посмотрѣвъ на гробъ и прочее, благословилъ всё это и успокоился. 26 Декабря онъ въ послѣдній разъ пріобщился святыхъ христовыхъ таинъ, и пригласивъ духовника своего іеросхимонаха Иринарха, его при себѣ попросилъ написать ко Владыкѣ загробное прошеніе, въ которомъ просилъ не измѣнять имъ заведеннаго устава скитскаго, и избрать на мѣсто его достойнаго преемника духовника его іеросхимонаха Иринарха. По утру 27 числа, знавши и предчувствуя, что ему осталось жить нѣсколько часовъ на землѣ, попросилъ одѣть его во все монашеское одѣяніе. Во время одѣянія его, онъ разговари-

валъ съ братіею, благословлялъ къ нему приходившихъ и давалъ наставленія своему преемнику касательно управленія скитомъ. Не болѣе какъ за четверть часа до смерти старецъ закрылъ глаза, положилъ на грудь руки крестообразно и мирно предалъ духъ свой Господу.

Владыка, глубоко чтившій старца, на донесеніи о смерти Игумена написалъ резолюцію: «Вѣчная память ему. Былъ онъ добрый рабъ Божій. Въ малѣ былъ вѣренъ; но великую дастъ ему Богъ награду. Внесть его въ Сунодикъ для вѣчнаго поминовенія, а похоронить у алтаря новой церкви Скита, отступивъ отъ него аршина на два за каменнымъ помостомъ.—Похоронить его должны намѣстникъ, четыре іеромонаха и три діакона.—Эта же вѣчная память ему Владыкою была изречена на молитвѣ его въ 1872 году, на четвертый день Святыя Пасхи, при посѣщеніи Владыкою Скита.

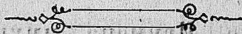
Послѣ смерти о. Игумена имущества ни какого не осталось. Все онъ употребилъ на скитскія постройки, на одежду и обувь меньшей о Христѣ братіи, на содержаніе ея и на пропитаніе странниковъ и нищихъ.

Вѣсть о смерти праведника быстро разнеслась по Кіеву и окрестнымъ селеніямъ. Почти четверо сутокъ стояли смертные останки его, не издавая ни какого запаха тлѣнія, а будто спящій лежалъ во гробѣ. Въ это время постоянно совершались панихиды скитскою братіею и приходившими и пріѣзжающими іеромонахами изъ кіевскихъ и другихъ монастырей и пустынь. 31 Декабря 1871 года былъ назначенъ день погребенія его. Ко дню погребенія прибыло множество народа, какъ изъ Кіева, такъ изъ окрестныхъ селеній, не смотря на то, что скитъ отстоитъ отъ Кіева

14 верстъ. Новая церковь не только не вмѣщала людей; но и погостъ церковный былъ переполненъ ими.

По словамъ скитской братіи и очевидцевъ, трогательный, погребальный обрядъ о. Игумена, сопровождали плачь, рыданія, стоны и крики. Рыдали бѣдные, получавшіе отъ него ежегодное пропитаніе, нищіе, которыхъ онъ кормилъ лѣтомъ до 100 человѣкъ, и зимою до 50. Когда подняли и понесли тѣло къ могилѣ, то многіе изъ облагодѣтельствованныхъ имъ хватались за гробъ, какъ бы не желая съ нимъ разстаться, и долго, долго плакали на могилѣ.

Іером. *Иларіонъ*.

Содержаніе: Слово въ день св. Равноапостольнаго великаго князя Владиміра.—Краткое жизнеописаніе возобновителя Ѳеофановскаго Скита, принадлежащаго Кіевскому, Викаріатскому, Архіерейскому дому, старца, отца Игумена Вонифатія.

Печатать дозволяется. 21-го августа 1878 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.